

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Нургюл Оздемир на тему «Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX – начала XX века (функционально-семантический аспект)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Тема, развиваемая в рассматриваемом исследовании, видится весьма актуальной в силу интереса исследователей к функциональным свойствам языковых единиц, объединенных определенной семантикой – будь то временной, пространственной и др., важностью категории итеративности как семантической константы, указывающей на повторяемость жизненных ситуаций, перспективой увидеть через обращение к характеру авторского использования единиц языка особенности стиля и мировидения писателя. Анализ единиц с семантикой итеративности и их текстообразующих функций на материале рассказов двух известных мастеров слова, т.е. в том числе – в сравнительном аспекте, и выявление степени адекватности передачи нужных смыслов при переводе на турецкий язык – обеспечивают новизну данной работы.

В первую очередь отметим то, что делает рецензируемую работу состоявшейся. Диссертант демонстрирует несомненную и убедительную компетентность в области вопросов, касающихся важности, функций и особенностей употребления средств выражения итеративности в языке, в художественном тексте в целом, в том числе – в сочетании с иными единицами рассматриваемых контекстов, и в текстах, принадлежащих перу Чехова и Бунина. К анализу привлечено внушительное количество примеров, дающих возможность наблюдения за функционированием единиц с семантикой итеративности в тексте и получения убедительных результатов. Автор диссертации сформулировал ее цель и задачи, обосновал выбранный подход и проявил недюжинное терпение, сохраняя – при таком обилии материала – последовательность шагов в освещении особенностей выражения

этой категории, проявляющихся в текстах рассказов и демонстрируемых отдельными единицами.

Положительное впечатление производят как продемонстрированная в первой главе разносторонность и основательность в освещении теоретической базы работы, на которую опирается Нургюл Оздемир, так и серьезность анализа исследуемого материала, проявляющаяся в детальном рассмотрении каждой из отобранных единиц с семантикой итеративности, комментировании их функций в приведенных фрагментах – сначала отдельно у Чехова и Бунина, а позже – через сравнение авторских приемов писателей и их идиостилей.

Импонирует стремление автора диссертации к суммированию как исходных позиций (в виде алгоритма анализа отдельных фрагментов, содержащих итеративные единицы), так и полученных сведений в виде совокупностей рекомендаций (в частности, относительно подхода к переводу на турецкий язык фрагментов, содержащих итеративные единицы) и таблиц, наглядно представляющих количественные и сущностные различия в использовании адвербиальных выражений Чеховым и Буниным. Однако такой подход чреват довольно частым упущением: то, что очевидно для автора, проделавшего весь анализ, не очевидно из таблицы для читающего, если она не сопровождается достаточными комментариями и адекватными контекстами.

Проделанная работа по анализу функционирования единиц с итеративной семантикой позволила ее автору прийти к значимым обобщениям относительно особенностей их функционирования в художественном тексте жанра рассказа.

Позволим себе остановиться на недочетах, которых не могло избежать исследование такого объема и структуры. Текст диссертации является свидетельством очень большого замаха – на наш взгляд, не совсем оправданного, – результатом чего является смешение двух (если не трех) тем, которые недостаточно четко разведены: специфика проявления категории

итеративности в русском рассказе конца XIX – начала XX вв., сходства и различия в функциях единиц с итеративной семантикой в текстах двух русских писателей как свидетельство авторского своеобразия; отличия в проявлении категории итеративности в турецком языке в сравнении с русским и вытекающие из этого трудности перевода текстов Чехова и Бунина на турецкий язык.

Этим вызвано и не вполне объяснимое привлечение материала турецкого языка, ведь ни название диссертации – «*Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX – начала XX века (функционально-семантический аспект)*», ни формулировка ее цели – «выявить семантическую и функциональную специфику итеративных единиц в художественном тексте рассказа (на примере русского рассказа конца 19-го – начала 20-го века)» внимания к переводческому аспекту в анализе материала не предполагают.

Прозвучавшие в качестве 4-й и 6-й задач установки автора, на наш взгляд, совпадают, поскольку функциональная нагрузка конструкций с итеративными единицами и их стилистические особенности и составляют «специфику функционирования итеративных единиц в тексте русского рассказа».

С бóльшим вниманием следует относиться к формулировке заголовков разделов и подразделов работы. В частности, в названии подраздела 1.1.2. «Семантическая классификация итеративности» явно недостает словосочетания «средств выражения». В разделе 1.1.3. «Сочетаемость итеративных маркеров» в действительности рассматриваются синтаксические функции средств выражения итеративности. Раздел 1.2. носит название «Наречие итеративности», а один из включенных в него более подразделов – 1.2.2. – включает не только наречия, но и другие единицы с семантикой итеративности: *по обыкновению, по привычке* и др. Это касается и названий таблиц – приведем один из примеров: таблица №11 «Сопоставление значений наречия “всегда” в рассказах А. П. Чехова и

И. А. Бунина» суммирует отнюдь не значения наречия – оно не столь многозначно даже в авторском тексте, – а его текстообразующие функции, участие в реализации авторского замысла.

Работа по составлению сводных таблиц проделана большая (табл. № 32-34), однако логика их построения вызывает серьезные сомнения.

1. Так, нет ни слова в комментариях ни к одному из приведенных фрагментов (раздел 2.2.) о способности/ неспособности итеративных единиц участвовать в характеристике социума – вплоть до того момента, когда на стр. 227 появляется таблица №32, показывающая сопоставление у Чехова и Бунина доли участия «при описании социума» каждой из единиц в выражении общей семантики итеративности. Здесь же мы обнаруживаем примечания автора типа «В рассказах авторов описание социума представлено практически одинаковым соотношением примеров (15, 67% к 15, 88%)» и др. Почему следует поверить автору только на основании этой таблицы, если приведенными контекстами это не подтверждается?

2. На наш взгляд, неоправданным является объединение в одну таблицу сведений разного свойства. Речь идет о таблице № 27, посвященной наречию *ежедневно* (с. 220). (1) Ирония, осуждение и досада – это прагматические характеристики, выражающие намерение и/или отношение автора или героя, способные дополнять (сопровождать) выполнение наречием функции указания на типичное поведение, но не заменять ее. Выражение эмоций, с одной стороны, совершенно не исключено и у Бунина в приведенных контекстах, и, с другой стороны, не очевидно в приведенных диссертантом контекстах Чехова. При всего 8 употреблениях наречия *ежедневно* у Чехова против 2 у Бунина подобные сопоставления и обобщения нуждаются в очень точной выверке и иллюстрациях. Если судить по примерам и таблице, то группа под названием «должность» звучит по меньшей мере некорректно – что имеет в виду автор под словом *должность*? Ход мысли диссертанта остается вне текста диссертации, а данные таблицы с «тремя равнопроцентными группами» не выглядят достоверными.

3. Непонятно, почему участие единиц с итеративной семантикой в описании внешности человека (это их текстообразующая функция) удостоилось большего внимания и отдельной таблицы (№ 33, с. 228), не слишком, кстати, показательной, поскольку у подавляющей части единиц участие нулевое, в то время как в таблице № 34, образно говоря, «смешались в кучу кони, люди...». Во-первых, характеристики персонажа автором и характеристики кого- или чего-либо самим персонажем все же различаются. Во-вторых, прагматические намерения (обещание, рекомендация, предупреждение, напоминание, предостережение) следует, вероятно, отделить от характеристик состояний, чувств, ощущений (осуждение, раздражение, осада, сочувствие) персонажа – при том, что «типичное состояние лица» отчего-то занимает отдельную позицию, не включая, вероятно, ни чувств, ни состояний. В-третьих, непонятна разница между вынесенными в отдельные графы «характеристиками персонажа», «характеристиками авторефлексии персонажа» и «внешними характеристиками персонажа», между «самооценкой» и «самокритикой», между «описанием замкнутого пространства / помещения» и «планировкой». Что такое «типичное состояние по традиции» – состояние кого/ чего и по какой/ чьей традиции? Как нам представляется, путь к определению своеобразия рассказа Чехова и Бунина пролегает именно через демонстрацию роли средств выражения итеративности в авторском тексте – характеризовать идиостиль писателя процентно-цифровыми показателями достаточно сложно, а в некоторых случаях и лишено смысла. Например, ни в одном из комментируемых примеров не обнаружено при характеристике функций итеративных единиц слово «осуждение», в то время как в таблицах эта функция сопровождается чуть ли не самым внушительным процентным показателем: для наречия *вечно* – у Чехова 33.3%, для наречного словосочетания *всякий раз* – 29.3%. Резонно было бы показывать примерами, а не цифрами, наиболее частотное и типичное для стиля писателя. И наконец, термин «идиостилистические предпочтения авторов» в качестве основания

для подобного объединения данных отнюдь не оправдывает подобного подхода, тем более что он не получил в работе соответствующей дефиниции.

Наше отношение к переводческой части диссертации осложняется еще и следующим: (1) непонятно, с какой целью были отобраны для анализа фрагменты произведений, которые не были изданы в переводе на турецкий язык (с. 123, 125 и др.) и сопровождаются поэтому переводом диссертанта? Неужели примеров употребления средств итеративности в переведенных произведениях недостаточно для демонстрации особенностей ситуации, функций избираемых средств, их типичности для языка писателя и проч.? (2) Комментарии, касающиеся особенностей перевода на турецкий язык, приводятся в параграфе, в названии которого ни слова не сказано об этом аспекте работы и его предназначении. (3) Предлагая для сопоставления варианты перевода, следует сопровождать их буквальной передачей искомого элемента текста и его окружения, иначе предпочтительность того или другого перевода не очевидна для читающего.

Наконец, текст диссертации обнаруживает очевидные следы удручающей поспешности: орфографические погрешности, нарушение правил согласования (отрицательно-субъективную *оценку персонажа к жизни*), отсутствие знаков препинания, повторы (*Итеративная единица создает итеративная единица участвует* в формировании приема противопоставления), лексические и стилистические несообразности (итеративность – общая повторяемость какого-либо действия или ситуации, безотносительная *и безучастная* к присутствию / отсутствию *повторяемого*, с. 112), недоговоренности (речевую недостаточность) и др. Перечислить здесь все страницы с допущенными ошибками не представляется возможным.

Это не только мешает чтению, отвлекая от главного, но, увы, это также делает не вполне ясно выраженными отдельные мысли автора. Приведу примеры: (1) *Современная турецкая лингвистика во многом опирается на работы англоязычных авторов, однако существуют и отличия* (с. ??).

Остается лишь догадываться, что именно и от чего отличается. (2) *В этом фрагменте всегда передает субъективную оценку автора.* (с. ??) Оценку чего и какую именно – опять же непонятно. Между тем, диссертация как жанр научного стиля речи традиционно исключает возможность многоплановости прочтения авторской мысли.

Хотелось бы также получить ответы на следующие вопросы.

1. Как вы понимаете (в работе дефиниция терминов отсутствует) термины *идиостилистические черты (формирования пространства рассказа)*, *идиостилистические предпочтения авторов* и на примере единиц каких языковых уровней их можно продемонстрировать? Если говорить не «на языке процентов», то каким образом синтаксические функции итеративных единиц свидетельствуют об идиостилистических предпочтениях Чехова и Бунина? Возможно ли участие наречия *всегда* в описании природы (или человека) и в функции обстоятельства, и в функции детерминанта?

2. Находят ли отклик (поддержку) сделанные вами наблюдения и обобщения относительно идиостиля А. Чехова и И. Бунина в работах других исследователей, изучавших своеобразие их авторского слога?

3. На чьи работы вы опираетесь, рассматривая итеративные единицы в качестве именной части предиката? Ср.: Наречие *всегда* как «*именная часть предиката (44%)*», с. 221; «Маркер итеративности *ежедневно* использован у И.А. Бунина в два раза больше, чем и А.П. Чехов в *качестве именной части предиката (25%; 50%)*», с. 216; «Итеративная единица не используется *в качестве* обособленных членов, вводных слов и *именной части предиката*», с. 210 и др.

4. В диссертации отсутствует раздел, посвященный теории перевода и существующим типологиям переводческих ошибок, хотя опыт подобных исследований, безусловно, в лингвистике и переводоведении имеется. С этим связан вопрос: на кого из специалистов вы опираетесь при построении вашей классификации ошибок и что имеется вами в виду, в частности, под термином «ошибки логики» (с. 141)?

Высказанные сомнения и пожелания не снижают положительного в целом мнения о представленной на обсуждение работе, являющейся

доказательством сформированности навыков проведения многоаспектного научного исследования, умения работать с языковым материалом, что позволило решить поставленные задачи и достичь заявленной цели.

Диссертация Нургюла Оздемира «Средства выражения итеративности в тексте русского рассказа конца XIX – начала XX века (функционально-семантический аспект)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Нургюл Оздемир заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
и.о. зав. каф. русского языка для
гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургского государственного
университета

Е.И. Селиверстова

02.09.2022